

ЭЛЬВИО РОМЕРО

*Перевод с испанского Павла Грушко **

Смерть погонщика

Напрасно звать его. Он не очнется,
он на земле простерт, как черный ствол.
Уже в его отрепья не уткнется
бугристой головой ленивый вол.

Лишь тишина звенит над ним отныне.
Не расплести ее тугих тенет.
Уже ничто пылающей пустыне
его шагов усталых не вернет.

Он умер тем, кем был он от рожденья, —
пастух-идальго, облаченный в зной,
он в одиночку постигал уменье
сопротивляться ярости земной.

Он там, где был. Под ним трава седая...
Иссякла дней похожих череда,
в которых он шагал, одолевая
пустыню, по дорогам в никуда.

Вот все, чем он владел на свете белом.
Он пил прогорклых сумерек настой.
В пустынных этих далях быть хотел он
лишь тем, чем может быть пастух простой.

А о другом и не мечтал он даже.
Вся жизнь его зависела от ног.
Теперь ушел он в мертвые пейзажи,
теперь над ним сомкнулась пыль дорог.

Он рухнул навзничь, не изведав счастья.
Его останки травы оплели...
Живой, он в горизонты не вмещался,
а умер — весь вместился в пядь земли.

* Эльвио Ромеро — Стихи (*Перевод с испанского Павла Грушко*) // *Поэзия Латинской Америки* (М.: Художественная литература, 1975), раздел «Парагвай», 440–446.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

Богорез

Убрав со лба маисовые прядки,
Лаку медоволицый в упоенье
творит святых, скобля ножом поленья.
Рука в поту, как в глянцевой перчатке.

Змеится стружка цвета золотого.
Лоб старика в тяжелых каплях меда...
И повторяют люди из народа:
«У старика Лаку лицо святого».

Как пилигримы в призрачной пустыне,
немые пальцы ищут терпеливо
святых — в поленьях лунного отлива,
апостолов — в багровой древесине.

Когда он злится — и стамеска злится,
а радостен — ликует мастерская.
Когда скорбит — живая скорбь людская
ложится тенью на святые лица.

Так беспокоен он, так постоянны
его труды, смятенья и заботы,
настолько он ушел в свои работы,
что сам похож на образ деревянный.

Вы старика Лаку в толпе найдете:
его волнует жизнь простолюдина,
он ловит жесты, чтобы воедино
своих собратьев слить в древесной плоти.

Настолько зорек он, настолько точен,
что люди узнают в резных фигурах
себя самих — молчащих и понурых,
как старые деревья вдоль обочин.

Приблизив нож к безликой заготовке,
старик, чье сердце пышет юным жаром,
всю страсть свою передает ударам,
расчетливым, как выстрел из винтовки.

Творя святого, он и добр и страшен.
Он нож ведет то бережно, то резко.
Порой нежнее льна его стамеска,
порой остра, как плуг на теле пашен.

Он дев святых дарит земной красою,
как чародей, вселяя жизнь в обрубки:
он алой краской им наводит губки
и окропляет их глаза росой.

Он вздрагивает, плоть живую жая,
не ощущая собственного тела,
рука как будто одеревенела,
морщинистая, дряхлая, чужая...

А птица и слепая знает песни —
в ее напевах ливень вдохновенья,
здесь каждый звук похож на дуновенье
ветров, носивших птицу в поднебесье!

А он живет лишь прошлым — теми днями,
когда мальчонкой бегал и смеялся,
когда весь мир волос его касался
лучами солнца, ветром и ветвями...

Он ослепляет птиц.

В рассветный час
он видит в дрожи глаз затмение солнца.
Рука его порою так трясется,
как будто он себя лишает глаз...

Плетельщик корзинок

Плетельщик ивовых корзинок,
седой задумчивый молчальник, —
он из времен прибрел далеких,
спустился с гор, добряк печальный.
В горах рожденный, на равнине
он не забыл дыханья гор.
Он ладил из лозинки сказки,
неугомонный фантазер.

В слепую пору долгих ливней,
когда пернатые — всего-то
комочки глины между сучьев,
без крыл, без песен, без полета,
он горный контур горизонта
вплетал в очередной узор:
он ладил из лозинки сказки,
неугомонный фантазер.

Когда в своей камерке брался
он за плетение корзинок,
казалось, будто бы на пальцы
стекают звездочки с лозинки
и пузырьки живицы свежей
сочатся из древесных пор, —
он ладил из лозинки сказки,
неугомонный фантазер.

К нему гурьбой сбегались дети
и гнезда в бороде свивали,
когда разгневанное лето
свирепо опаляло дали,
полуприкрыв глаза, он слушал
их немудреный птичий спор
и ладил из лозинок сказки,
неугомонный фантазер.

Никто не замечал печали
в глазах его и в каждом жесте,
когда он отдавал корзину,
как будто отдал с нею вместе
всего себя... Сжималось сердце,
туманом застилало взор...
Он ладил из лозинок сказки,
неугомонный фантазер.

Когда же он исход свой начал —
так, словно таял в зазеркалье, —
весь мир потек в его корзину,
чтоб с ним уплыть в глухие дали,
его руками стали корни,
а небом — ивовый шатер,
пока и сам не стал он сказкой,
неугомонный фантазер.

Офорт

Повис на кресте человек,
врагами распят.
Веревками человек
опутан до пят.

И ветер внизу...

Страна моя сотнями кож
натянута на кресты.
Распятый на бубен похож.

И ветер в лицо...

Вся родина — на кресте...
Крест падает в темноте.

И ветер вверху!

Ягуа-Веве

(Комета)

Взметнулся ягуар!
Чертой по небу.
Костер небесный перепрыгнул.

Взлохматил звездный бок,
шаги умерил,
вздохнул, как кошка,
и прошелся мягко,
и лапы изумрудные лизнул.
Прыжок обдумал,
решил, куда ступить,
дыханье соразмерил
и движенья...

Потом, в дугу тугую выгнув спину,
он над бездонной пропастью пронес
свое мерцанье голубое.

Инамбу-И

(Дикая перепелка)

Испуг в траве!

Неповторимый посвист
и клюв — с землею вровень.
Внезапная стрела над лугом,
пронзительная звонкая раскраска
под камни и песок,
стремительная искорка в кустах
и флейта сиесты.

Смятенье перепела.
Переполох в траве!

Примечания

ЭЛЬВИО РОМЕРО (ELVIO ROMERO, род. в 1926 г.) — поэт-революционер. Первое его стихотворение, посвященное знамени Победы над рейхстагом, было опубликовано в 1945 году. В 1947 году Ромеро принял участие в восстании против диктатуры Мориньиго. После разгрома повстанцев вынужден жить на чужбине. Автор многих стихотворных сборников: «Вспаханные дни» (1948), «Эта гитара сурова» (1961) и др. На русском языке опубликованы его поэтические книги: «Стихи» (М., 1961), «Земной зной» (М., 1966), «С этой суровой гитарой» (М., 1968).